

УДК 130.2

*Конончук Д.В., Ячин С.Е.
Kononchuk D.V., Yachin S.E.*

Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления

Cultural Paradigm: experience of conceptualization

Авторы предлагают трактовать культурную парадигму как смысловое ядро культуры, в истоке восходящее к историческому Событию, деянию исторического Лица, как таковое способное служить живым примером для последующих поколений. Культура сохраняет свою жизненность постольку, поскольку она способна удержать эту историческую связь.

Ключевые слова: культурная парадигма, смысл, историчность человеческого бытия, рефлексия

The authors propose to treat the cultural paradigm as the core meaning of culture. In a source it is rising from a historical event as act of a person and so it can serve as the living example for future generation. Culture retains its vitality as long as can keep this historical connection.

Key words: cultural paradigm, meaning, historicity of human being, reflection

В этой статье мы хотим представить свои соображения относительно роли осмысленных (рефлексивных) образцов в сохранении жизненности культуры, и тем самым внести свой вклад в нескончаемый теоретический спор о критериях сравнения и специфики культур.

Не будем скрывать, что наша позиция представляет собой экстраполяцию на общекультурную ситуацию модели становления личности в культуре. Думаем, что ни для кого не является секретом, что (1) наиболее значимым (поучительным) для воспитания личности является живой пример, (2) что жизненно важные решения принимаются в ситуации выбора и потому (3) они по необходимости вынуждены быть осознанными (рефлексивными), (4) что живые примеры имеют свойство трансформироваться в схемы жизнедеятельности и деградировать в стереотипы и автоматизмы паттернов поведения.

Но указанная экстраполяция теоретически опосредована. В первую очередь этот ход мысли обязан работе Дж. Агамбена «Детство и история. Деструкция опыта» [13]. Законность экстраполяции также обусловлена пониманием особой роли личности в развитии культуры [11] и принципами метакультурной компаративистики, которая вычленяет в культуре особый предмет исследования: рефлексивный опыт культуры, т.е. то, как культура осмысляет саму себя [12].

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, к.ф.н., доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** Novymkladshy@yandex.ru

ЯЧИН Сергей Евгеньевич, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** yachin@land.ru

Культурная общность ведёт себя точно так же. Она питается живыми примерами реальных исторических событий, в число которых прежде всего входят деяния исторических личностей. Зависимость такова, что культура жизненна лишь постольку, поскольку она способна парадигмально сохранять эту связь, рефлексивно удерживая Событие¹ как смысловое ядро культуры. Это ядро и есть культурная парадигма. В данном случае слово «парадигма» (παράδειγμα), мы используем в его дословном значении: «первообраз», «образец», «поучительный пример». Парадигмальность культуры – означает, что носитель культуры способен увидеть за схемами своей жизнедеятельности «поучительные примеры», осмысленно следовать им как образцам при принятии значимых решений, говоря, «я поступаю по образу и подобию ... (имя – обязательно)» или «я действую согласно учению ... (имя – обязательно)».

Центральный вопрос жизненности культуры, как таковой не возникающий при становлении отдельной личности, состоит в том, каковы условия, которые делают некоторое личностное Событие истории парадигмальным. Почему со временем парадигмальность культуры деградирует (или может деградировать) до мёртвых схем и симулякров?

1

Под культурной парадигмой мы будем понимать образец и схему, рефлексивно используемые людьми для решения жизненных задач в рамках той или иной культуры. Обратим особое внимание на связь между образцом и рефлексивностью. Даже в редуцированных случаях подражания кумиру, его фанат отчётливо знает, кому он подражает. Следование поучительному примеру невозможно на бессознательном уровне. Совсем другое дело стереотипы или паттерны поведения. Схемы восприятия и действия как правило не осознаются. Нужны специальные рефлексивные методики, чтобы вывести схемы на уровень сознания.

В нашем понимании культурная парадигма носит принципиально исторический характер, она сообразна историчности человеческого сознания, она обеспечивает связь поколений, и только потому и затем – связь внутри поколения [9]². Этой установкой на историчность предлагаемая трактовка культурной парадигмы отличается от других. Сам термин «культурная парадигма» имеет достаточно широкое хождение, употребляется в самых разных значениях, но, как правильно замечает автор вышеуказанной работы, имеет характер речевого клише, типа «культурная парадигма – это сложившийся в данной культуре поведенческий паттерн» [3]. Заметим, что автор (Н.Б. Бокач) обнаруживает другую крайность. Собрав в этом понятии все возможные аспекты и функции (когнитивные, аксиологические, междисциплинарные и проч.) но при этом упустив самое существенное – то, что парадигма обеспечивает историческую преемственность культуры.

Тема историчности или временности человеческого сознания и бытия прочно вошла в современную философию благодаря В. Дильтею и М.Хайдеггеру. Идея историчности обращает внимание на следующий факт: осмысленные связи между людьми проходят циклично только через их общую память (через прошлое) и общие планы (через

¹ Понятие События, в основном благодаря М.Хайдеггеру, в современной философии приобрело категориальный смысл, в каком-то оно здесь и употребляется.

² Автор определяет культурную парадигму как «жизненный стиль эпохи», «отражающий реально существующий феномен целостности культурных явлений, фактор их стилизованности, обеспечивающий единство культуры на эмпирическом уровне».

будущее). Настоящее время для человека и непосредственная связь между людьми конституированы сознанием времени (прошлого и будущего). Это нужно просто иметь в виду при любой трактовке человека и культуры.

При своём появлении культурная парадигма своей рефлексивностью отличается от текущей культурной традиции, и даже нередко вынуждена противостоять её слепому консервативному напору, она может быть представлена как ставшее образцом «событие, которое понуждает нас решиться на новый способ быть» [1, с. 64]. Но, чаще всего, претерпев необходимую эволюцию и победив, именно культурная парадигма формирует культурную традицию заново, часто изменяя её до неузнаваемости.

Культурная парадигма, в целом, ведёт себя так же, как и научная парадигма в понимании Т. Куна, и даже, в плане большей определённости, имеет некоторые черты научно-исследовательской программы И. Лакатоса. Аналогии и различия культурной парадигмы с вышеозначенными двумя понятиями заключаются в следующем:

1) Культурная парадигма возникает как способ решения жизненных задач, осмысленный на рефлексивном уровне. Необходимость рефлексии вызвана тем, что решения нужно принимать в условиях выбора альтернатив. Чаще всего эти задачи приходят в форме острых проблем, под ударом которых оказалась культура. Парадигма – всегда реакция на события внутри условий. Однако отличие наблюдается в том, что в научной парадигме кризис чаще всего имеет внутренний характер и может быть связан, например, с критической массой новых научных данных. Культурная же парадигма представляет собой либо реакцию на социально-политические события, структурно внеположные культуре (конфуцианство в условиях кризиса эпохи Чжоу, платонизм в условиях кризиса греческого полиса, христианство в условиях римского гнёта в Иудее, протестантизм в условиях капиталистических перемен), либо реакцию на инокультурное вторжение (неоплатонизм в условиях роста популярности христианства, неоиндуизм в условиях роста популярности западной культуры);

2) Культурная парадигма чаще всего возникает в условиях конкуренции с другими парадигмами. В значительной мере ситуация в культуре будет определяться именно конкуренцией парадигм. При этом залогом победы в борьбе с конкурентами для культурной парадигмы является не большая истинность, но большая рефлексивность к внешним условиям и большая эффективность в решении практических задач. В дальнейшем мы подробнее продемонстрируем это свойство культурной парадигмы на частных примерах;

3) Культурная парадигма способна быть следствием инокультурных новаций, но, победив, может оказывать обратное влияние на иницировавшие её культурные традиции (греческая философия, испытавшая на себе ближневосточные влияния, а затем фундировавшая собой ближневосточную науку, коммунизм, возникший в Европе, и вернувшийся в Европу после реализации в России);

4) Культурная парадигма, став укоренённой и превратившись в традицию, обладает чрезвычайной живучестью. Этим, в частности, объясняется тот простой факт, что за многовековую историю человечества культурных парадигм, оказавших целостное и решающее влияние как минимум на одну этническую общность, насчитывается не так много. Уничтожить культурную парадигму искусственным способом возможно, по-видимому, только вместе с её носителями. Примеры насильственного навязывания парадигм демонстрируют его слабую эффективность. Так, христианство в России стало доминирующей парадигмой только лишь в

XIV в., спустя почти четыре столетия после официального его принятия властью, а именно тогда, когда русская культура выдала сама запрос на формулировку своей идентичности перед лицом внешней политической и культурной угрозы. При этом христианство вынуждено было признать многие дохристианские культурные паттерны (в первую очередь, многие языческие праздники [10]). В свою очередь, коммунистическая парадигма, которая сделала заявку на преодоление христианской, даже в моменты своего наивысшего расцвета также вынуждена была признать некоторые языческо-христианские по происхождению паттерны (в первую очередь, опять же всё те же праздники). Парадигмы отживают сами по мере того, как падает их эффективность в новых условиях или по мере потери своих сторонников.

5) Культурная парадигма в некотором отношении являет структуру, сходную со структурой лакатосовской научно-исследовательской программы. В ней также просматривается «жесткое ядро», состоящее из парадигмальных догматов, и «защитный пояс», охраняющий ядро и получающий из него идейную пищу для собственного развития. Но аналогия здесь скорее внешняя. Дело в том, что парадигму следует отличать от доктрины, например, религиозной. Различие заключается в том, что доктрина чаще всего имеет своё чётко артикулированное идеологическое и институциональное выражение, в то время как парадигма не может являться делом какой-либо отдельной организации. Носителем парадигмы, как и носителем культуры является только крупная социальная общность, в которой парадигма присутствует уже не всегда рефлексивно, но зато она оказывается инкорпорированной в дискурс, в габитус, в ментальность своих носителей и поэтому проявляется в повседневной жизни в мире. Можно отрицать собственную принадлежность к христианской религии, и при этом являться носителем христианской парадигмы. Более того, известно, что русский коммунизм, объявивший на институциональном уровне войну христианству, во многом сам является не только детищем христианской парадигмы, но и отчасти её собственным выражением [2].

Относительно культурной парадигмы можно сказать то же, что Ж. Делёза и Ф. Гваттари говорят о концептах и теориях: на каждой из них «стоит авторская подпись» [4]. Поскольку парадигмы в большинстве случаев следует именовать по названию сформировавших их учений, а учения чаще всего именуют себя по авторству, то автором культурных парадигм будут реальные личности: Конфуций – конфуцианской, Христос – христианской, Будда – буддийской и т.д.

2

В архитектонику культуры входит необходимость давать человеку осмысленные ответы на жизненно важные вопросы [5]. В принципе их можно свести к знаменитым четырём кантовским: что я могу знать, на что надеяться, что должен делать и что есть человек. Если данная культура не способна дать таких ответов, то личность мигрирует в другую культуру, чтобы там их найти. Но вопросы показательны тем, что они, во-первых, характеризуют способность культуры иметь собственный рефлексивный опыт, и, во-вторых, они не допускают абстрактности. Эти вопросы парадигмальны для культуры, а это и значит, что для ответа на них нужны живые образцы. При решении жизненных вопросов человек категорически не может следовать абстрактным схемам или «методическим рекомендациям».

Событие становится парадигмальным для культуры только при том условии, если оно порождает контур собственного самоописания (са-

моререференции). Собственно, именуя нечто случившееся в истории событием, мы это уже и подразумеваем¹. Характерной формой самоописания события является созданное на его базе или самим автором учение. По крайней мере начиная с Осевого времени подавляющее большинство религиозных, философских и идеологических учений носят ярко выраженный авторский характер, являясь результатом творческого вклада в культуру той или иной личности. Иными словами, в большинстве случаев источник будущей парадигмы – это рефлексивное бытие-в-Мире некоторых Личностей, ставших для человечества великими Учителями: Конфуций и Платон, Будда и Иисус Христос, Мухаммед и Лютер принадлежат к их числу. Однако это не означает, что, например, Демокрит или Мо-цзы, жившие в одну обозримую эпоху соответственно с Платоном и Конфуцием автоматически проигрывают им в даровании, поскольку их учения так и не превратились в значимые для своих культур парадигмы. Предтечи Мартина Лютера, Дж. Уиклиф и Ян Гус не уступали ему ни в философских талантах, ни в мастерстве воздействия на массы. Но к тому, чтобы некое учение стало парадигмой, как представляется, должна привести результирующая нескольких факторов:

а) Наличие в текущей парадигме противоречия между способом осмысления Мира и способом бытия-в-Мире. В качестве примеров таких осмысленных противоречий, как правило, вызвавших к жизни целое поколение мыслителей, генерирующих комплекс учений, можно назвать, скажем: несоответствие образа гармоничного и справедливого Поднебесного мира вероломству и кровопролитию эпохи Чжаньго в V – III вв. до н.э. (конфуцианство, даосизм, моизм, легизм); переживание отсутствия Смысла Жизни в упадок мощи Римской Империи III – IV вв. (христианство, митраизм, культ Исида, культ Сераписа, неоплатонизм, герметизм); противоречие между христианскими ценностями и миром дикого рынка в Европе XIV – XVI вв. (протестантизм, ереси в католицизме, новоевропейская научная парадигма).

б) Личная харизма основателя учения (реальная или вымышленная, как в случае с Лао-цзы или Гермесом Трисмегистом);

в) Привлекательный способ разрешения противоречия, и, как следствие, г) Значительное количество адептов учения, обладающих способностями и готовностью к его продвижению в массы, созданию привлекательных эталонных образов, доктринизации учения (т.е. смысловой модификации с учётом частных условий, ликвидации смысловых лакун между культурным эталоном и способом бытия-в-Мире) и, само распространение учения в массах общества;

д) Поддержка учения со стороны власти. Как правило, этот весьма прозаичный фактор является решающим на пути окончательного превращения учения в успешную парадигму и её победы в борьбе с конкурентами. Конечно, не власть делает парадигму парадигмой. Но власть способна обеспечить парадигму последователями, искусственно подавить активность других парадигм и иными способами обеспечить парадигме долгую историческую жизнь. Ни одна из ведущих культурных парадигм не завоевала себе жизненное пространство иным путём. Очень оригинальные, популярные в своё время, доктринизированные и просуществовавшие не одно столетие парадигмы так и сошли на нет, будучи по каким-либо причинам обойдены этим фактором. Таковы, например, пифагорейская или моистская парадигмы.

Совсем не обязательно, чтобы все вышеназванные факторы сложились в одно время. Например, появление учения может не совпадать с регионом его распространения ни во времени, ни в пространстве. Так,

¹ Самореферентность сущностная черта всех социальных явлений, как это показывает Н.Луман [8].

христианство завоевало популярность среди широких масс Империи лишь в III в., т.е. спустя 200 лет после европейской проповеди Павла. И, конечно, власть (редко – её узурпация адептами парадигмы) тоже заставляла себя долго ждать в исторической приёмной, о чём свидетельствуют, например, следующие 100 лет истории христианства до возвышения его Константином I. Лишь очень немногие «счастливые» учения демонстрируют нам совпадение всех факторов в одно время. Таковы, например, учения Мухаммеда и Лютера, уже при жизни их основателей ставшие парадигмами и прорвавшиеся к политической власти.

е) Последней по счёту, но не по важности, мы назовём очень странную эпистатическую способность парадигмы выражаться в ясных и кратких принципах, афоризмах или притчах. Таково условие её доступности для масс, но одновременно в этом же состоит её риск и возможность будущей деградации. С достаточной неизбежностью принцип отрывается от контекстуально породившего его учения, оплачивая глубиной за простоту, превращается в некое абстрактное правило (ещё сохраняющее осмысленную связь с учением), а затем в некий стереотип восприятия и поведения (паттерн). Как правило, востребованные той или иной исторической ситуацией паттерны, хотя фактически и восходят к парадигмальному учению, но по духу вступают с ним в содержательное противоречие.

Культурная парадигма, укореняясь и превращаясь в традицию, обретает чрезвычайную живучесть. Этим, в частности, объясняется тот простой факт, что за многовековую историю человечества культурных парадигм, оказавших целостное и решающее влияние как минимум на одну этническую общность, насчитывается не так много. Уничтожить культурную парадигму искусственным способом возможно, по-видимому, только вместе с её носителями. Примеры насильственного навязывания парадигм демонстрируют его слабую эффективность.

Культурная парадигма должна быть различена с культурной доктриной, например, религиозной. Различие заключается в том, что доктрина чаще всего имеет своё чётко артикулированное идеологическое и институциональное выражение, в то время как парадигма имеет иную природу. Носителем парадигмы, как и носителем культуры, является только крупная социальная общность, в которой парадигма присутствует не всегда рефлексивно, но зато она оказывается инкорпорированной в дискурс, в габитус, в ментальность своих носителей и поэтому проявляется в повседневных культурных паттернах.

Решающее же различие между культурной доктриной и культурной парадигмой мы видим в онтологическом статусе последней. В любой развитой доктрине со временем намечаются направления, которые относятся к ней как части к целому. Так, например, католицизм и православие – направления в христианстве, шиизм и суннизм – в исламе и т.д. Мы полагаем, что подобная сепарация внутри парадигмы неправомерна. Разумеется, мировоззрение католика существенно отличается от мировоззрения православного, но говорить о «субпарадигмах» было бы неверно. Дело в том, что парадигма обладает целостностью по отношению к решению жизненных задач, иначе бы она не была бы парадигмой. Поэтому, дробясь, меняя название и содержание, парадигма остаётся парадигмой, сохраняя свою целостную природу. Например, особое отношение русских старообрядцев к труду представляет собой единый культурный паттерн, но при этом является результирующей христианской, православной, и старообрядческой культурных парадигм сразу.

Сказанное здесь мы попытаемся проиллюстрировать в нашей второй статье на примере конфуцианской культурной парадигмы. Несмотря на всю специфичность восточноазиатской культуры (с позиции куль-

туры Западной), конфуцианская культурная парадигма не является собой что-то уникальное и неповторимое. Напротив, её история является собой очень и очень типичный и потому весьма показательный пример судьбы культурной парадигмы как таковой. Вообще, в современной культурной компаративистике всё более распространённым является убеждение, что именно так называемый «Восток», в частности, Китай как раз и является собой «нормальный» случай развития цивилизации, в то время как Запад – это уникальная продуктивная аномалия. Но конфуцианская культурная парадигма имеет, тем не менее, целый комплекс общих структурных черт с парадигмами Запада, в первую очередь – с христианской.

Литература

1. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
3. Бокач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Автореферат дисс... канд. филос. н. Волгоград, 1998.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
5. Дробышева Е.Э. Архитектоника культуры: опыт культурфилософской рефлексии. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.
6. Кун Т. Структура научных революций. М: АСТ, 2009. 320 с.
7. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. М: АСТ, 2009. С. 455-524.
8. Луман Н. Самоописания. М.: Логос-Гнозис, 2009. 320 с.
9. Найдорф М. К проблеме культурологической терминологии: о механизмах культурной мотивации/ URL: http://www.countries.ru/library/theory/culturological_terminology.htm [Дата обращения: 25.04.2012 г.]
10. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
11. Ячин С.Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // Личность. Культура. Общество. (Международный журнал социальных и гуманитарных наук). 2010, т.12. Вып.1 (№ 53-54). С.108-116.
12. Ячин С.Е., Конончук Д.В., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Дао и Телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 324 с.
13. Agamben Giorgio. *Infancy and History. The Destruction of Experience*. L., N-Y.: Verso, 1993. 256 p.